

Звонкие удары, звяканье металла, мужская ругань, короткие грубые приказы. Женские стоны иногда переходили в тихий плач, но потом вдруг сменялись сладким шепотом, нежными мольбами и робкими извинениями. Она умоляла его продолжать и повторяла за ним грязные словечки, которые доставляли ему удовольствие. Хорошо выдрессированная и развращенная бестия... или беспомощная запуганная жертва?

Влад сорвал с себя наушники. От бархатистого голоса Люды у него во время прослушки по щекам постоянно бежали мурашки. А сейчас его бросило в жар, совсем как когда-то давно, когда он только начинал детективную практику, и ему приходилось выполнять самую черную работу. Помнится, что это казалось забавным, дерзким, будоражащим, хотя иногда и шокирующим, и отвратительным. Впрочем, привычка со временем сгладила впечатления. Как выяснилось в результате тогдашних его детективных изысканий и наблюдений, люди в целом оказались довольно-таки мерзкими существами — развратными, трусливыми, бессовестными. Подслушанная сцена разбередила в нем фейерверк давно угаснувших или насильно подавленных чувств. Сейчас их палитра варьировалась от искреннего сочувствия к измученной и сломленной девушке до разочарования в слабости и покорности ее характера, от отвращения и ненависти к бесчувственному садисту до неприязни к двойственности собственного восприятия ситуации и к себе самому за мощный стояк, с которым он ничего не мог поделать с того момента, как стало понятно, что вытворяет со своей жертвой этот тип.

«Долбоеб хренов...», — прошипел он себе под нос, невольно выглядывая через окно автомобиля на высившуюся неподалеку элитную многоэтажку, окруженную трехметровым решетчатым забором, утыканным на каждом углу камерами слежения. Он словно пытался угадать, за каким окном происходило то, свидетелем чего он только что явился. Конечно, занятием это было совершенно бесполезным, поэтому его переполняла злость от собственного бессилия. На что он рассчитывал, решив проследить за этой юной красавицей, так тронувшей его с первого взгляда? Уж едва ли в нем тогда говорил детектив. Им двигал слепой примитивный инстинкт преследования привлекавшей его самки. К тому же он почему-то был убежден на все сто, что капризная девчонка всего лишь преувеличивает, драматизирует или... плетет какие-то интриги против своего благоверного. С чего он вообще такое взял? Возможно, следовало больше доверять женщинам... Однако, для человека, которому собственная невеста изменяла с тремя любовниками, подобная недоверчивость прекрасному полу была оправдана. И тем не менее, из-за Люды он был взбешен и уязвлен одновременно... Чуть ли не с первого взгляда он уже начал претендовать на эту нежную красавицу как на свою собственность... И теперь ощущал себя полным идиотом.

Влад невольно припомнил, на каких девушек его всегда тянуло — на дерзких, самоуверенных, логически и практически мыслящих, даже в чем-то жестких. Ему было проще иметь дело с теми, кто четко знал, чего хочет, и никогда не срывался по пустякам. И в результате, что он имел? Расчетливых шлюх, если быть кратким и откровенным.

Нина с первого взгляда поразила его своей деловитостью.

— Я буду свободна в следующий вторник после восемнадцати, — спокойно выдала она, прокрутив на экране мобильного ежедневник, когда он пригласил ее на первое свидание, познакомившись с ней в ресторане за бизнес-ланчем. Ее пронзительно черные глаза

прожигали его как лазеры, а на торжественно высокомерном лице не дрогнула ни единая черточка. Выверенные жесты, никакого намека на смущение, волнение или трепет. Даже волосы у нее были такие же упрямые и непокорные, как и она сама, — грива черных густых кудрей. Трахалась она тоже, как потом выяснилось, неистово и практически всегда выжимала из него все, что только было можно, до последней капли.

Она училась на медика. Тогда ее целеустремленность стать хирургом его завораживала, но теперь он с какой-то брезгливостью думал, что едва ли согласился бы лечь под скальпель, если бы его сжимали ее тонкие пальцы в латексных перчатках с аккуратным французским маникюром под ними. Он слишком поздно понял, что в ее груди билось не женское сердце, а всего лишь насос, перекачивающий кровь по венам. Впрочем, она, должно быть, стала хорошим специалистом. Расчетливая, циничная, прагматичная. Да сука бесчувственная, одним словом. Как выяснилось, пока он пахал как бешенный в неистовой гонке за лучшими атрибутами мира сего, она трахалась со всем, что движется. Когда он уличил ее в одной измене, она без особых зазрений совести создалась, что одновременно с ним встречалась еще с тремя мужчинами. Чего ей не хватало? «Остроты ощущений!» «Эффекта новизны!» В тот же день, во время их разборки она вдобавок решила его огорошить новостью о том, что до тридцати пяти точно не собирается замуж, иначе не успеет сделать карьеру, что ребенка она родит только одного и что едва ли его отцом будет он, Влад. Ебанутая на всю голову эмансипе! Влад никогда, никогда ни до, ни после, не чувствовал себя таким идиотом! Ведь он искренне готовился к свадьбе! Купил ей долбанное кольцо за гребаную кучу бабок, купил и всячески обустроивал квартиру в приличном спальном районе. Он, твою мать, даже планировал в ближайшее время завести детей!

— Прошу, только не надо скандалов, Владик, — раздраженно заявила она после того, как он уличил ее в измене, причем уличил-то совершенно случайно, как последний лох, даром что частный детектив. — Я сегодня еще дежурю в ночь. Мне не до эмоций. И еще знаешь... Я никогда не была против свободных отношений, так что... , — в ее голосе звучала какая-то жалость, и Влад потом не раз удивлялся, как в тот момент ее не удушил. Впрочем, он был рад, что не проявил тогда лишних эмоций. Сказал, чтобы она еще до начала своей смены собрала все свои вещи, валила на все четыре стороны и больше никогда не показывалась ему на глаза. Она свалила. И не показывалась.

Все пошло прахом с того времени, как они расстались. Нет, баб у него было предостаточно, когда пожелает. Только вот открываться перед ними он не имел ни малейшего желания. Собственно, те, с кем он имел дело в последнее время (доступные красотки из баров и клубов, ищущие сиюминутных приключений на свою голову и прочие места), вовсе не возражали против такой потребительской политики и уж точно не располагали к доверию. Все они знали правила игры, и правила эти не нарушали. Так было проще. Надо ли говорить, что работа в детективном агентстве только усугубляла ощущение, что все кругом продажны, лживы, бесчестны и малодушны, поэтому Влад вполне сознательно решил стать таким же как все. Но вот эта девчонка, еще толком не искушенная какая-то, хоть и попавшая в лапы бессердечного хищника, почему-то зацепила его.

С тяжелым сердцем он откинулся на сидение, достал сигареты и закурил. Сизый дым спешно улепетывал через приоткрытое окно во влажную ночь. Вторая пачка Winston грозила закончиться непредвиденно быстро, между тем как предстоящая ночь обещала быть долгой.

***

Перед самым выходом Саша как всегда смерил свою спутницу оценивающим взглядом. Люда вся дрожала от слабости — может, он немного заигрался сегодня, но устоять перед ней после долгой разлуки было невозможно. Он переделся в черный свободный шелковистый свитер крупной вязки с объемным воротником и кремовые джинсы. Она же надела свое любимое hoodie-dress — кричащую провокацию с глубоким треугольным вырезом и юбкой в сборку, которую было практически не видно за поясом (то милое платьице, в котором она его встретила, по его мнению, насквозь пропахло сексом). Приблизившись сзади и вдохнув цветочный аромат ее только что вымытых волос, Саша провел пальцем по бархотке на ее шее, на которой поблескивало бриллиантовое сердечко. Она напряглась, как испугавшийся еж, и отвернулась в сторону, нервно сглотнув. Под пальцами чувствовалось, как сжались мышцы на ее изящной шейке. Какой же сладкой и покорной она становилась после дрессировки. На миг ему захотелось плюнуть на это идиотское семейное застолье и снова поиграть с ней в любимую игру: сначала довести ее до иступления, до истерики, потом раздражить ее инстинкты, вызвать непреодолимую похоть, а затем унизить, сделать ей больно и, наконец, выебать ее так, чтобы эта милая и послушная святая невинность превратилась в беспринципную шлюшку готовую на все и все прощающую. Но нет. Сейчас не время. Нужно взять себя в руки. Прежде всего — установление прочных семейных связей. Ему слишком важна была финансовая и деловая поддержка ее папаши, иначе все пойдет прахом. — Я привез тебе подарок, — пониженным тоном произнес он, склоняясь к ее нежному ушку. От его дыхания по ее коже побежали мурашки.

— Спасибо, — звучно сглотнула она.

— У тебя еще будет возможность меня поблагодарить. Надеюсь, ты меня не разочаруешь. Давай двигай к выходу. Мы опаздываем.

***

Застолье у родителей как всегда не предвещало ничего любопытного. Мама без конца отвлекалась на телефонные звонки — она вообще любила создавать имитацию бурной деятельности, поэтому в подробностях обсуждала любой свой шаг от посещения салона красоты до меню и интерьера ресторана, где должна была состояться какая-нибудь деловая встреча. «Детали — вот главное в любом деле», — любила повторять она, прежде чем завести целую эпопею о какой-нибудь даже незначительной сделке. Надо отдать ей должное — память у нее была отменная, да и рассеянностью она не страдала, всегда умея сосредоточиться на самом главном. Может быть, только благодаря ее феноменальной вовлеченности ее магазин элитных игрушек еще не разорился — ей никогда не наскучивало лично рассылать приглашения на эксклюзивные распродажи, выдумывать различные акции, перед которыми не мог устоять даже самый скупой и равнодушный клиент, и, конечно, с завидной регулярностью обзванивать избранный круг лиц, допущенный к ее уникальным товарам. Даже папа частенько разводил руками, искренне недоумевая, каким образом ей удастся поддерживать на плаву столь нерентабельное предприятие. Он давно подозревал, что «рынок» в лице горстки их знакомых давно пресытился ее фарфоровыми куколками ручной работы и ажурными музыкальными шкатулочками с карусельками.

Роман, старший брат Люды, мнящий себя гениальным рок-гитаристом, как всегда в последнее время пребывал в унылой меланхолии и не пропускал ни одного случая, чтобы поныть о своей несчастной доле и творческом кризисе. Это еще хоть как-то прокатывало с отцом, когда Роман был студентом. В те времена он неоднократно восстанавливал сына в вузе

после его очередного затянувшегося музыкального турне, оплачивал ему репетиторов, в дальнейшем улаживал его проблемы на работе и с полицией. Когда-то Роман мнил себя крутым повесой, которому будущее казалось безоблачным и радужным, как и у всякого наследника приличного состояния, однако, со временем надежды растаяли как дым, потому что, оказалось, что право на наследство еще необходимо было заслужить. Ни собственное дело, ни бизнес по отцовым стопам, ни даже музыка не приводили к желаемой цели, потому что трудиться молодой человек как-то с юности не привык, во всем выезжая за счет папиных связей. Вдобавок ко всему он еще связался с наркотиками, что окончательно подорвало его авторитет в глазах обоих родителей, привыкших всех и вся рассматривать с точки зрения перспективности и выгоды. Рома давно смирился со своей ролью неудачника, поэтому больше не устраивал семейных стычек, признав всякую борьбу бесполезной и ударившись в сентиментальность. Папа тоже махнул на него рукой и старался по возможности не заводить разговоры о нормальной работе. Рекомендовать сына кому-либо из знакомых на теплое местечко у него уже просто язык не поворачивался, а организовать для него бизнес заведомо означало выбросить деньги на ветер. Люда только слышала краем уха, что брат, вроде бы, снова участвовал в какой-то рок-группе и иногда выступал в клубах, но учитывая, что ему уже перемахнуло за тридцать, а широкой известности он так и не добился, дела его, видимо, были плохи.

Конечно, расчетливый, деловой, самостоятельный и ответственный Александр, с которым отец в первый раз случайно столкнулся при покупке автомобиля, сразу же привлек его внимание. Менеджеры не смогли в оговоренный срок подготовить ему машину нужной комплектации, и он устроил из этого целый скандал, потому что задержка нарушала все его планы. К его удивлению, с ним связался сам владелец автосалона, и на следующий же день автомобиль уже был у него. Его тогда сразу поразила молодость этого парня, чьи уверенные манеры и умение вести дела совершенно не сочетались с его возрастом. Отец узнал в нем себя в юности — он тоже был таким целеустремленным, самонадеянным и также четко понимал, что за все в этой жизни нужно отвечать самому, ни на кого всерьез не полагаясь и не расслабляясь ни на секунду. Они словно нашли друг в друге родственные души и, несмотря на большую разницу в возрасте, стали друзьями. Впрочем, отец скорее чувствовал себя покровителем перспективного молодого человека, хотя последний вовсе не нуждался ни в каком покровительстве. Как Люда выяснила за несколько лет близкого общения с Сашей, он вообще ни в ком не нуждался по-настоящему. Он только брал от людей то, что ему было необходимо — без благодарности, без стеснения, без обязательств.

Весь разговор за столом как всегда крутился вокруг Саши, и он с блеском удерживал всеобщее внимание будь то политика, бизнес, семейные ценности, охота, спорт или даже любовь. Глава семьи все свое внимание уделял будущему зятю, которым неприкрыто восторгался при любом удобном случае, в то время как последний держался сдержанно, благоразумно и благородно. Безупречность его поведения и взвешенность каждого его слова действительно не могли не вызывать уважения. Он умело обходил неловкие моменты, не реагировал на провокации, в незначительных спорах легко уступал, деликатно отвечал на юмор, но в тех вопросах, где необходимо было проявить характер, он становился вежливо жестким и настойчиво непримиримым. Все в его поведении до последней детали казалось безупречным, выверенным и настолько естественным, что заподозрить его в неискренности было просто невозможно!

По мере того, как отец Люды все сильнее оживлялся под воздействием обаяния Саши, сердце Люды все больше переполнялось льдом. Этому лицемеру нельзя было доверять, а папа наверняка уже ведет с ним совместные дела! Скоро они как всегда удалятся в кабинет и, сокрывшись там за клубами табачного дыма, станут обсуждать совместный бизнес, какие-то кредиты и бог весть что еще. Она не знала и половины из того, о чем у них шла беседа, ее никто не вводил в курс их дел. Только ведь осведомленности от нее и не требовалось. Ей полагалось улыбаться, мило и к месту шутить, вести светские беседы, поддакивать, служить украшением общества и своего будущего супруга. Как-то отец во время очередной ссоры прямо заявил ей, что миллионы девушек мечтают быть на ее месте, а она вместо благодарности только и знает, что изображает из себя страдальицу. С тех пор она оставила всякие попытки наладить контакт с отцом — она просто жила в его доме по его правилам, ходила на занятия, присутствовала на семейных обедах, собиралась выйти замуж за того, кого для нее избрали родители.

— Как дела в универе, Милка? — прервал размышления Люды брат. Они с ним иногда месяцами даже словом не обменивались.

— Все нормально, — безразлично пожалала плечами она.

— Сколько тебе еще учиться?

— Два с половиной года.

— А потом что?

— А потом... , — Люда коротко вздохнула, — работу буду искать по профессии.

— Психологом что ли? С чужими проблемами возиться?

— Лучше решать чьи-то проблемы, чем их всем вокруг создавать, — холодно бросила она и отвернулась.

Брат умолк, а Люда всей кожей чувствовала, как за их разговором наблюдает отец. Он всегда внимательно прислушивался и приглядывался ко всему, что происходило за столом. Какое-то время он лениво жевал и только изредка ухмылялся каким-то своим наблюдениям.

— А напомниме-ка, когда там у вас свадьба? — выдал он вдруг ни с того, ни с сего. Люда даже вся похолодела. Она на всякий случай положила вилку и нож, потому что ощущение было такое, будто держала она их не своими руками. — Пятнадцатого января, — с непоколебимой уверенностью заявил Саша, хотя до этого между ними и речи не было ни о каких датах. Он закинул руку на спинку стула Люды и развернулся к ней, слегка склонив на бок голову и заглядывая девушке в лицо, словно делал ей вызов и проверял, посмеет ли она ему возражать.

Люда не посмела. Нога мужчины тронула под столом ее ногу, и от этого интимного прикосновения ее словно дернуло током. Только виду нельзя было подавать. Места ушибов на ягодицах жутко саднило весь вечер, но сейчас эта боль особенно давала о себе знать, потому что его контролирующей взгляд повелевал подчиниться. Со стороны, конечно, казалось, что он просто любит свою невесту. На его губах блуждала мечтательная улыбка. Он чувствовал себя собственником, властелином положения, баловнем судьбы, да в общем чуть ли не хозяином дома, в котором находился. Как же ее это бесило... Почему никто, кроме нее, не замечает его лицемерия?

— Ого! Поздравляю, ребята! — тут же откликнулся брат.

— Наконец-то... , — удивленно приподняв брови, заметила мама. — Времени только катастрофически мало, чтобы организовать что-нибудь эффективное, но мы посмотрим, что

можно сделать.

— Да Вы не волнуйтесь, Ирина Степановна, — тут же отреагировал Саша, — Я уже кое-что тут организовал. Мы с Людой хотим сами всем этим заняться, если Вы не против.

— Вообще-то против! — категорично воскликнула энергичная дама, которую вот-вот готовы были лишить любимого занятия. — Что Вы можете знать о таких вещах? А у меня по всей Москве знакомые. К тому же тут вкус нужно иметь.

Люда невольно усмехнулась краем губ, хотя в душе было не до смеха. Все это происходило с ней, словно во сне.

— А на медовый месяц куда собираетесь? — как-то недовольно крикнув, поинтересовался папа.

— Конечно, в Италию. Люда всегда туда хотела.

— Извините, — перебила жениха Люда на последнем слове слабым полупшепотом. — Я что-то неважно себя чувствую. Пойду к себе.

— Тебя проводить? — вежливо спросил Саша, когда она встала. Он поймал ее за запястье и тронул большим пальцем ее ладонь. По всей руке побежали мурашки — остатки воспоминаний о том, что он делал с ней недавно.

— Не стоит.

— Италия, безусловно, неплохой выбор в данной ситуации. Только не лучше ли все-таки перенести свадьбу на весну или лето? — не сбавляла напор мама. — Какой смысл так гнать лошадей?

— Ну, как же... любовь, как никак! — не без сарказма вставил Роман, и только тут к Люде пришло озарение, что, пожалуй, у Ромы были все причины ненавидеть человека, который полностью занял его место в сердце отца.

— Так ведь в том и задумка, чтобы пожениться зимой и попасть на Венецианский Карнавал на медовый месяц, — вежливо парировал Саша, отпуская руку девушки.

Неверной походкой удаляясь из комнаты, Люда покачала головой, не переставая удивляться тому, что слышала. За ее спиной уже изливались восторги в адрес такой чудесной идеи, обсуждались даты поездки, названия гостиниц, ресторанов, погода в Италии в это время года и прочая ерунда. Конечно, Саша знал о ее давнишних мечтах, но... но она понятия не имела, что он что-то такое планирует... Да и планировал ли он? Все это походило на какую-то странную, наскоро выдуманную провокацию. Только не понятно, ради чего, ведь все это не шутки...

Девушка поднялась к себе в комнату. Этот мир еще пока что принадлежал только ей, хоть Саша, бывало, и вторгался в него грубо и цинично. Иногда этот мир напоминал ей кукольный домик — золотые вензеля, нежный бело-голубой текстиль, цветочные узоры, мягкие игрушки... Она медленно, словно в забытии, приблизилась к резному трюмо, присела на край пуфика, обитого нежно-голубым шелком и украшенного белым кружевом по краю сидения, и уставилась в зеркало, почти не понимая, где находится и что видит перед собой. Как же так получилось, что она совершенно не руководит своей собственной жизнью? Она нацепила капюшон от платья — на макушке теперь торчали два черных острых кошачьих ушка. «Слабачка», — вынесла она мысленный приговор, но плакать уже не могла. Она встала, повернувшись к зеркалу спиной, задрала юбку, жмурясь от боли, осторожно спустила колготки и трусики и осмотрела следы от ударов розгами на ягодицах. Он хлестал ее со всей дури, так что аж кровь в нескольких местах проступила, зато потом был особенно осторожен,

стараясь не задеть ушибы, и вытворял с ней такое, что Люда даже сейчас покраснела при воспоминаниях об этом. Он всегда умел предугадывать ее желания — тем и сводил ее с ума. Впрочем... много еще чем на самом деле...

Люда прошла к двери и щелкнула замком. Затем стянула с себя колготки и, не натягивая трусики, рухнула на живот поперек мягкой постели. Шелковые подушечки посыпались на пол с мягким шуршанием, но Люда не стала их поднимать. Ее мысли наполнили воспоминания.

***

Они познакомились с Сашей в день ее восемнадцатилетия. Тогда папа не поскупился на роскошь. Кто бы мог подумать, что подобные изыски были приобретены за деньги, склоченные на мусорном бизнесе, как нельзя лучше подтверждающем, что деньги не пахнут. Пригласили кучу родственников и друзей семьи, папиных партнеров, а также всех ее подружек. Праздник решено было организовать за городом, в их собственном доме, — для этого была нанята элитная кейтеринговая компания. В саду поставили воздушные белоснежные беседки в виде шатров под пологом из легких полупрозрачных штор, столы ломились от изысканных яств, все украсили живыми цветами, шарами и лентами, большую часть блюд заказали в ресторане, хотя Люда и сама постаралась блеснуть кулинарными способностями — приготовила изысканные тарталетки с йогуртово-манговым муссом.

Произнеся тост, отец подозвал ее к себе и вручил ей маленькую коробочку с подарком, в которой оказались ключи от новенькой Mazda RX-8. Люда едва могла сдержать свой восторг, особенно когда папа указал ей на въездные ворота. Они торжественно разъехались в стороны, а там, на подъездной дорожке, стоял ее сверкающий белоснежный автомобиль. Как выяснилось позднее, доставил его сюда сам владелец автомобильного салона, что само по себе уже было несколько подозрительно. Когда папа представил его дочери, объяснил он все не менее странно:

— Это мой хороший друг, Александр, Мила. Надеюсь, вы поладите.

После того, как неожиданный гость вручил ей огромный великолепный бело-розовый букет из роз, каллов и орхидей, их немедленно оставили наедине. Люда смотрела на «друга» с нескрываемым изумлением, да хотя бы потому, что на вид ему было всего около 27—30 лет, и на приятеля для ее папы он точно не тянул. Однако, если не считать возраста, выглядел он все-таки довольно солидно. Во взгляде его синих глаз с ленивой поволокой, да и во всем его лице, читалось высокомерие, абсолютная невозмутимость и полнейшая уверенность в каждом своем действии — верные черты прожженного циника и прагматика, который уже кое-что точно повидал на своем жизненном пути и изо всех передряг вышел победителем.

— Ни за что бы не подумала, что у папы могут быть такие молодые друзья, — кокетливо склонив набок голову и мило улыбаясь, выдала Люда именно то, о чем думала. Ее шелковистые локоны щекотали ее обнаженные плечи — на ней было открытое коктейльное платье, легкое, голубое, с тугим корсетом и кринолином. Еще чуть-чуть, и его можно было бы счесть вульгарным, но ее природная красота и нежность сглаживали откровенную вычурность стиля Barbie girl.

— Ваш отец польстил мне, назвав меня своим другом. Он просто хотел свести нас вместе, — отплатил ей прямолинейностью за прямолинейность молодой человек. Голос у него оказался хрипловатым и низким, его тембр приятно щекотал нервы.

— Ах вот как! — слегка наигранно рассмеялась Люда, краснея до ушей от удовольствия. — Вы

верите в успешность сводничества?

— Думаю, Ваш отец знает, чего желает для своей дочери. Вопрос в том, совпадают ли Ваши с с ним вкусы. — Честно говоря, у нас с ним никогда вкусы не совпадали, — веселость так и распирала девушку. Внутри словно проснулся до сих пор скучающий бесенок, истомившийся по всему новому и интересному.

Молодой человек слегка скривил губы в улыбке.

— Новая машина тоже не в Вашем вкусе?

— Нет, почему же... Машина очень красивая. Хотя я бы предпочла красную.

— Красный цвет смотрится вульгарно и вызывающе. Белый — более аристократично. Может, все-таки стоит больше доверять отцу?

— Решили читать мне нравоучения? — немного обиделась Люда.

— Признаться, учить чужих дочек уму-разуму не входит в мои планы. Более того, это им даже противоречит.

— Почему же?

— С глупышками проще иметь дело.

— А Вы всегда ищите легких путей?

— Безусловно. Я не герой. Я предприниматель.

Он смотрел на нее своими неправдоподобно синими глазами, и в них искрились языки какого-то демонического пламени, готового испепелить все не способное себя защитить. Нельзя сказать, что он был в ее вкусе, но отрицать его притягательность было невозможно. Черты его худощавого лица смотрелись грубовато, взгляд был жестким, волосы жгуче-черными, на щеках проступала щетина, которая, скорее всего, отрастала так быстро, что к вечеру уже можно было бриться снова. Впрочем, щетина ему шла, как и небольшие аккуратные баки. Густые ухоженные волосы были зачесаны назад, на затылке они прикрывали шею крупными жесткими локонами. Почему-то ее взгляд все время притягивали его губы — нижнюю губу слегка затронул тонкий шрам, но он не портил ее соблазнительные очертания. Высокий, широкоплечий, крепко сложенный, молодой человек смотрелся в классическом костюме так, словно он сковывал его движения. Так костюмы обычно сидят на мужчинах с сильно развитой мускулатурой, которым гораздо больше подошли бы джинсы и мягкий спортивный трикотаж, подчеркивающий рельефные очертания тела.

— Что ж... , — взяла себя в руки Люда, — Практичный подход к жизни... хоть и не вызывает особой симпатии.

— Зачем нужна чья-то симпатия, если можно получить полное подчинение?

— Зачем нужно подчинение, если есть симпатия? — Люда заставила себя снова лучезарно улыбнуться, вызывающе встречая его непроницаемый взгляд. У нее даже живот скрутило от волнения, словно она неслась с бешеной скоростью на американских горках.

— Затем что симпатия поверхностна по своей сути, а подчинение предполагает полную зависимость.

Люда сглотнула. Кажется, мужчина разглядывал ее с невозмутимым интересом, словно пробуя на вкус. От этого ощущения у нее пересохло во рту. Мимо них проходил официант с подносом, уставленным бокалами шампанского. Он замедлил шаг, и новый знакомый Люды взял с подноса два бокала.

— Совершеннолетие — особый праздник. С сегодняшнего дня тебе можно все, чего бы ты ни пожелала, — заявил он, передавая ей бокал с таинственной улыбкой на губах. — Чего бы тебе

хотелось попробовать?

— Даже не знаю... , — у Люды слегка сорвался голос. — Не припомню, чтобы мне когда-либо что-либо запрещали.

— Предполагается, что хорошо воспитанная девушка из приличной семьи и не мечтает ни о чем порочном и запретном. Так?

Люда пожала плечами. От близости этого мужчины, от его хриповатого низкого голоса и его намеков ей было страшно и сладко одновременно. Она чувствовала, что он смотрит на нее и чувствовала, как он смотрит, но сама поднять глаза уже не смела.

— За новые смелые мечты и желания, — он звякнул своим бокалом о ее бокал и выпил содержимое до дна. Люда лишь пригубила шампанское и совсем сконфузилась.

К счастью, их позвали к десерту, и неловкий момент прервался сам собой. Только вот покой девушки отныне был нарушен. Когда она задувала золотые свечи на огромном воздушном как облако торте, она ощущала на себе пристальный взгляд Александра, и к жару, исходящему от свечей, прибавлялись ожоги от собственного румянца. Весь остаток праздничного дня она выслеживала в толпе гостей таинственного «друга» своего отца, изо всех сил убеждая себя, что он ее совершенно не интересуется. Тот держался непринужденно, о чем-то переговаривался с гостями, но особенно с ее отцом, а, если оставался один, тоже чувствовал себя вполне комфортно, да и смотрелся больно уж эффектно и гармонично, словно сам ощущал себя хозяином этого сада, этого дома, этих людей...

Когда стемнело и зажгли огни, на импровизированной сцене оставался только один саксофонист, а гости разбрелись по ночному саду в поисках укромных мест для частных бесед в узких кружках. Она уже подустала от болтовни с подружками и смеха. От волнения и вечерней прохлады ее слегка трясло. Люда зашла в пустой дом и только тут почувствовала, что она совершенно без сил. Таинственного Александра она давно уже не видела. Возможно, он уехал, и ее немного мучила обида, что он исчез, не попрощавшись.

На кухне она сыпанула себе в чашку растворимого кофе прямо через край банки, добавила ложку сахара и залила все кипятком. Аромат шел приятный и бодрящий, но ни пить, ни есть уже толком не хотелось после сегодняшнего пиршества.

— Придумала, чего же тебе хочется? — вдруг раздался за спиной низкий голос.

Люда вздрогнула и резко развернулась. Всего в двух шагах от нее стоял Александр — она не слышала, как он приблизился. Пиджака на нем не было, галстук был ослаблен, ворот рубашки расстегнут, а рукава закатаны чуть выше локтей. Светло-серые брюки отменно сидели на узких бедрах, плечи казались неправдоподобно мощными, а глаза следили за каждым ее движением.

— Вы меня напугали, — выдохнула она едва слышно, а в голове с непристойной очевидностью всплыла мысль о поцелуе. Ничего особенного, но с ним почему-то даже это желание казалось порочным. Впрочем, почему бы и нет? Поцелуй с симпатичным незнакомым парнем в свой день рождения — это, пожалуй, приятно. Внутренний бесенок снова заставил вскипеть ее кровь, которая тут же прилила к щекам. — Хочу, чтобы ты меня поцеловал, — выпалила она, мягко улыбаясь своей самой обворожительной улыбкой и игриво хлопая длинными ресницами.

— Кто бы сомневался, — нагло улыбнулся он в ответ, тут же приблизившись и ловко хватая ее за талию. Он сжал ее, пожалуй, слишком крепко. Было немного больно и стало тяжело дышать, но все равно очень приятно — ощущение его силы дико возбуждало. Он и сам

выглядел немного диковато, словно под обликом холеного элегантного мужчины на самом деле скрывался первобытный зверь. Их лица были так близко, что они буквально дышали друг другом, но целовать пойманную в ловушку девушку мужчина не спешил. Его рука задрала сзади короткую юбочку красавицы и, сдвигая вниз трусики, принялась бесцеремонно ласкать нежную кожу ее круглых упругих ягодиц, пока, наконец, не проникла между ними, одновременно крепко притягивая к себе ее бедра. В ее живот уперся его твердый член, под ее пальцами напряглись упругие мышцы его груди — ни вдохнуть, ни выдохнуть, ни вырваться... Он все равно возьмет то, чего пожелает. Он был грубоватым и чересчур порывистым, и когда его пальцы сжали и натянули сзади ее трусики, заставляя их врезаться в ее горящую промежность, Люда вдруг испугалась. Все это показалось ей слишком поспешным и откровенным. И еще она осознала вдруг свою полную беспомощность перед ним — даже здесь и сейчас, в ее собственном доме, он мог сотворить с ней, что угодно. С ней никогда раньше такого не было.

— Пожалуйста, не делай так... , — пролепетала она ему в губы, пытаясь высвободиться.

— Как именно? — усмехнулся он, двигая крепко натянутой узенькой полоской ткани прямо по ее сходящему с ума клитору и поглаживая пальцем анус. У Люды аж все поплыло перед глазами от блаженства, и она начала беспомощно ловить ртом воздух вместо того, чтобы ответить. Его рот вдруг накрыл ее безвольные губки, до боли впился и, сладко посасывая, принялся изводить ее упругими, ритмичными движениями языка. Все это походило на какое-то наваждение — они познакомились всего несколько часов назад, обмолвились парой фраз, а теперь он творил с ней такое, вместо того чтобы просто нежно поцеловать, как это обычно бывало с ней при первой близости с другими мужчинами. — вот что представлял из себя его звонок. Безусловно, теперь ей следовало вежливо ему отказать — Люда чувствовала, что от него исходит опасность, что в нем заключена сила, которой ей нечего будет противопоставить и которая способна ее уничтожить. Только чувственные воспоминания о его прикосновениях, о его взгляде преследовали ее по пятам, где бы она ни находилась. Дурацкая вера в то, что он, возможно, еще взглянет на нее с другой стороны, а она будет способна вызвать у него искреннее чувство, заставляла ее отказать от всех доводов рассудка. От звука его бархатистого голоса в трубке по уху, лицу и шее у нее бежали сладкие мурашки. — Очень надежный и многообещающий молодой человек, — сказал папа за ужином, когда речь зашла о том, что Александр пригласил ее на корпоратив.

— Он показался мне слишком... педантичным... и холодным... , — скромно заметила Люда.

— Элементарная воспитанность и проявление зрелости, — отрезал глава семейства. — Даже не представляю, чем ты сможешь заинтересовать Сашку. Разве что любовь его ослепит, — устало вздохнул он.

— Ну пусть совсем не ослепнет, а то на данный момент он кажется обычным занудой, — выпалила Люда, встала из-за стола и вышла из комнаты, хлопнув дверью.

***

Саша приехал за ней на серебристом Бентли с личным водителем, зашел в дом, учтиво поздоровался с ее родителями и лишь сдержанно кивнул на ее робкое «привет». При родителях они друг с другом больше не обмолвились ни единым словом, будто и знакомы не были, но лишь только они оказались на заднем сидении роскошного отделанного белоснежной кожей седана, Саша вдруг протянул руку и нежно погладил кончиками пальцев пылающую щечку Люды, слегка задев чувствительный уголок ее губ. Это прикосновение тут

же отдалось сладким спазмом в низу живота. Внутренний бесенок, который, видимо, снова проснулся из-за близости этого мужчины, приказал ей ласково потереться щекой о его руку, блаженно закрыв глаза, а потом едва заметно лизнуть его палец кончиком языка и мельком взглянуть в его синие опасные глаза. От такого собственного поведения ей становилось не по себе, ведь все это совершенно не было на нее похоже. Ведет себя как какая-то девица легкого поведения... Но рядом с Сашей почему-то хотелось стать испорченной и слегка распушенной... хотелось ласкаться и получить его одобрение... и хотелось рисковать, чтобы насладиться так необходимой ей дозой адреналина.

— Надеюсь, ты понимаешь, что твой отец очень мне доверяет, раз отпускает со мной свою единственную дочь, которой едва исполнилось восемнадцать.

— Наверное, у него есть на то основания, — кокетливо захлопала ресницами Люда, краснея и не смея поднять на Сашу взгляд. — Ты ведь надежный человек. Правда? — О, она знала, что была сейчас неотразима. Ей уже сто раз приходилось убедиться на собственном опыте, какое впечатление производила на мужчин эта надменная и соблазнительная улыбочка, этот ироничный тон дерзкой малолетки и эти короткие жгучие взгляды, в которых было немного упрямства, немного вседозволенности, немного покорности и при этом недосказанности.

— У него нет ни малейших оснований мне доверять, — холодно отрезал Саша и убрал руку. — Поэтому советую тебе вести себя так, чтобы не нажить приключений себе на задницу.

Люда слегка опешила, чувствуя себя ужасной дурой, которую облили ушатом холодной воды.

— Иначе что? — рассердилась она.

— Иначе буду обращаться с тобой соответственно твоему поведению.

«Это как, интересно?» — очень хотелось спросить ей, но угрожающий тон Саши приказывал придержать язык за зубами. Похоже, с этим мужчиной шутить не стоило. Он чем-то напоминал ей отца — такой же категоричный и грубый, и, видимо, любил, чтобы все подчинялись ему беспрекословно. Горьковатый привкус от детских воспоминаний спроецировал привычные реакции.

— Мы не опаздываем? — сменила она тему и тон, взяв себя в руки.

— Нет. Я рад, что ты понимаешь меня с полуслова.

Люда не была уверена, что понимает не то что его, но даже себя. Обида и тревога мучили ее, но еще больше ее мучили безудержные желания, которые пробуждал в ней он. Если честно, она была готова прямо там, в машине, скользнуть в его объятия и позволить ему все, абсолютно все, чего бы он только ни пожелал. И плевать на его угрозы! Что он ей в конце концов сделает? Тем не менее, разговор перешел в официально-деловое русло. Ей ужасно хотелось поболтать о пустяках, пошутить, рассказать что-нибудь о себе и узнать его с какой-то другой стороны, менее официальной. Только вот он держался слишком сухо и серьезно: рассказывал про свой бизнес, деловито объяснялся с кем-то по телефону, кратко отвечал на ее робкие вопросы о сегодняшнем мероприятии. Люда терялась, старалась соответствовать его светскому имиджу, казаться непринужденной и привычной к подобным ситуациям, произвести на него выгодное впечатление, но ощущала себя какой-то малолетней глупышкой. От одного только звука его хриловатого голоса с повелительными и слегка высокомерными нотками в интонации ее изводили самые пошлые мысли: о его грубой и властной руке в ее трусиках, о ее влажных пальчиках на его требовательных губах, о той ужасно неприличной угрозе «выебать» ее на виду у всех гостей. Эти его слова пульсировали у нее в мозгу как мучительная навязчивая идея, не давая сосредоточиться даже на самых

простейших вещах. Ну неужели она и правда такая похотливая безмозглая дурочка, если в его присутствии способна мыслить только об этом? Наверное, он все же был для нее слишком взрослым со всем этим его деловым окружением.

Когда они добрались до места, в автосалоне еще шли последние приготовления к торжеству. Рабочие налаживали свет, звук, декорации. Девушки модельной внешности из службы эскорта в одинаковых ярко-голубых платьях прихорашивались, сбившись в кучку у зеркала в холле. Они крепили к волосам голубые цветы. Серьезные мужчины в деловых костюмах обсуждали последние детали предстоящего мероприятия. Официанты колдовали над фуршетным столом. Первые нарядные гости потягивали аперитив и с любопытством поглядывали на ряд автомобилей, накрытых светлыми чехлами. Вид всех присутствующих свидетельствовал о том, что здесь нет ни одного случайного человека.

Саша за руку подвел Люду к какой-то группке людей и всех представил друг другу, но она не запомнила ни одного имени, так как была слишком взволнована. Не хотелось этого признавать, но деловые разговоры не были ее коньком, и она быстро потеряла интерес к общей беседе. Любуясь своим элегантным умным спутником, который пользовался явным авторитетом у присутствующих, она с трудом пыталась побороть в себе захлестывающие ее волны восхищения и возбуждения. Только его суровый взгляд говорил «нет», приказывая взять свои инстинкты под контроль.

Наскоро переговорив с партнерами и коллегами, Саша, извинившись, ушел по делам, и Люде пришлось около часа развлекать себя самой, прогуливаясь по необъятным залам среди незнакомых ей гостей, все прибывающих и прибывающих. Впрочем, вскоре началась церемония открытия, и скучно уже не было. Грянула музыка, включилась подсветка, все закрутилось и завертелось вокруг. Ее неотразимый спутник читал торжественную речь, благодарил сотрудников, без которых, конечно, не было бы и совместного успеха, рассказывал о планах компании на будущее, о контрактах с новыми поставщиками, об уникальности выбранных к продаже элитных автомобилей и усовершенствованиях в обслуживании клиентов высокого класса. Люда с едва скрываемым восхищением наблюдала за красивым мужчиной в белоснежной рубашке и строгом черном костюме, непринужденно и мастерски вещающим со сцены, раздаривающим улыбки на миллион долларов и изредка поглядывающим на нее. Широкий бордовый галстук и платок в тон в нагрудном кармане пиджака невероятно ему шли и прямо-таки подчеркивали его напористый темперамент и конструктивную агрессию. На лацкане пиджака красовался маленький пурпурно-золотой значок с логотипом его собственной компании. На манжетах поблескивали золотые запонки. Густые и черные как смоль волосы были лихо зачесаны на бок и блестели от геля для укладки, придавая ему какой-то вызывающе вычурный вид, как у киношного американского мафиози лихих 30х. Самовлюбленный наглый пижон. Опасный. Расчетливый. Последние рукопожатия с новыми партнерами под звонкие аплодисменты, пара кивков головой, приветливые улыбки коллегам — и он уверенно перерезал символическую голубую ленту, а затем под вспышки камер легко сбежал со сцены по боковой лестнице и через несколько секунд оказался рядом с Людой. Он сказал ей что-то, но она не расслышала из-за громкой музыки (на сцену уже вышли какие-то рок-музыканты, началось лазерное шоу, и толпа взвыла от восторга).

— Ну, что ж, с официальной частью покончено. Пора нам познакомиться поближе, как ты считаешь? — стараясь перекричать музыку, Александр склонился к самому ее ушку, крепко

сжав в руке ее тонкое предплечье, а затем обхватывая ее сзади за плечи и уводя из толпы куда-то в сторону. Люду разом накрыло его неповторимым ароматом, составленным из комбинации изысканных духов, дорогих сигарет и эксклюзивного алкоголя. Жар от его приблизившегося тела снова спутал ей все мысли. С ужасом и стыдом она осознала, что уже давно потекла, промочив трусики, и что скорее всего ее спутник прекрасно догадывается о ее состоянии. Она развернулась к нему лицом и, слегка придерживаясь за рукав его пиджака, тоже потянулась губами к его уху.

— Не думаю, что твои коллеги дадут тебе такую возможность... Ты сегодня слишком популярен.

Люда украдкой окинула взглядом мелькающих мимо людей. На Сашу и правда многие до сих пор поглядывали с интересом, словно у них к нему было какое-то неотложное дело, но они не решались подойти. Может быть, она тому была причиной? Как же приятно было наконец-то украсть его у всех них!

— У кого это ты научилась льстить мужчинам? — снова обожгло ее ушко его дыхание.

— У мамы, наверное, — звонко рассмеялась Люда.

— Маме можно. Тебе еще нет.

— Почему это? — вскидывая на него кокетливо удивленные глаза, девушка закусил нижнюю губку, чтобы удержать смешинку.

— Давай поднимемся наверх, — одернул ее он, точно был не доволен ее фамильярностью. — Покажу тебе то, что ты непременно оценишь.

— Ладно, сэр, — весело отчеканила Люда, стараясь не думать о двусмысленности подобного предложения. — Только очень тебя прошу... вести себя посдержаннее... не как в прошлый раз...

Господи, ну зачем она напонила про прошлый раз? Вот балда... Ее просьба осталась без ответа. Только рука Саши приятно обхватила ее за талию и увлекла к лифту. От любого его прикосновения Люду лихорадило.

На втором этаже располагался такой же гигантский зал как и внизу, но автомобили не были прикрыты чехлами. Они сияли насыщенными экстравагантными колерами и поражали изгибами силуэтов — мощь, скорость и роскошь во плоти.

— Самые шикарные спортивные тачки в Москве теперь можно будет купить здесь. Выбирай, какая тебе больше по вкусу, — предложил ее элегантный спутник, указав на свою коллекцию широким королевским жестом.

— Ого... Впечатляет... , — рука Люды выскользнула из его руки. Она стала медленно прохаживаться вдоль рядов автомобилей, внимательно изучая их изящные плоские и вытянутые корпуса. К некоторым хотелось прикоснуться, чтобы прочувствовать их норы, силу и красоту. Пальцы с наслаждением проскальзывали по прохладному металлу. Она ощущала на себе пристальный мужской взгляд, который не упускал ни одного ее движения. На ней было легкое коктейльное платье на узких бретельках, белое, в нежных розово-лиловых цветах, которые подчеркивали ее золотистый загар. Коротенькая юбочка щекотала обнаженные ноги. В помещении было холодно из-за кондиционеров, и от легкого озноба у нее затвердели соски. Она украдкой заметила, как они проступали под тонкой тканью. Как приятно было осознавать, что тобой любитесь такой наглый, самоуверенный, непредсказуемый тип, во власти которого ты находишься.

— Вот эта! — наконец уверенно выпалила она, остановившись у темно-бордового спортивного

мерседеса и развернувшись к Саше.

— Она твоя, — тут же с невозмутимой уверенностью заявил он, не дав пораженной девушке опомниться. — Только при одном условии. Если ты хочешь быть со мной, то должна усвоить одно не сложное правило.

Он стоял в паре шагов от нее, сунув руки в карманы брюк, и смотрел на нее сверху вниз своими синими холодными глазами.

— Я буду требовать от тебя полного и беспрекословного подчинения. В любое время, когда пожелаю.

Люда зябко пожала плечами, обхватив себя руками.

— Звучит как-то устрашающе... хоть и интригует.

— Уверен, тебе понравится.

— С чего ты это взял?

— Подчиняться — в твоей природе.

Он склонил на бок голову, заглядывая ей в лицо.

— Что-то я не уверена... , — дерзко заявила она, заметив его усмешку. — Вообще-то я за равноправие.

— Равноправие — глупая сказка для маленьких наивных девочек, — снова усмехнулся Александр. — Давай проверим еще раз, что тебе на самом деле нравится.

Он приблизился, заставляя ее слегка отступить и упереться спиной в дверцу автомобиля. Пальцами он погладил ее пылающие губки, затем подбородок и шею. Люда нервно сглотнула, замерев в томительном ожидании. Неспешным движением рук он смахнул с ее плеч бретельки, одну за другой, и свободный лиф платья скользнул вниз, обнажая грудь. Девушка инстинктивно вздрогнула и попыталась прикрыться, но Саша перехватил обе ее руки за запястья и прижал их к краю крыши автомобиля.

— Я не разрешаю тебе двигаться, — тихо прорычал он ей в губы. — Поняла?

— Да, — почти беззвучно выдохнула она.

Саша отпустил ее руки, оставив их послушно разведенными в стороны и слегка отодвинулся. Боже, как же долго он тянул... Люда ощущала как на ее коже образуются мурашки под его взглядом. Наконец его пальцы тронули ее сосок, очень нежно, почти незаметно, затем другой, и тут же его теплые руки сжали в ладонях ее груди, немного больно, но... Девушка задыхнулась, закрыла глаза и невольно подалась ему навстречу.

— Я сказал не двигаться, — холодный шепот заставил ее взять свои действия под контроль. Саша вновь подразнил ее соски нежными касаниями и слегка их сжал. У Люды нестерпимо горели щеки и уши. Как же приятно он это делал... и как неторопливо. Она больно закусила губку.

— Посмотри на меня. В глаза, — он все еще ласкал ее груди, не спеша и мучительно искусно. — Ты хочешь, чтобы я тебя трахнул?

Люда ошарашенно раскрыла рот и тут же отвела взгляд, но властная рука вдруг больно сжала ее щеки и заставила поднять лицо.

— Я сказал смотреть мне в глаза и задал тебе вопрос, — зло сцедил сквозь зубы вдруг молниеносно преобразившийся Саша. В этот миг он уже не был обаятельным светским джентльменом, который любого мог покорить своей открытой сверкающей улыбкой и ясным как весеннее небо взглядом. Он стал свирепым матерым хищником, который не остановится ни перед чем запретным, подчиняя себе непокорную жертву. Его холодные глаза сверкали.

Шрам на нижней губе стал совсем белым, на челюсти напряглись желваки. Люда не могла не заметить, как он был красив и какая от него исходила притягательная энергетика, но что ему ответить, она не знала. Он, конечно же, ожидал от нее утвердительного ответа в этой игре, а она...

— Я... я... никогда раньше этого не делала, — наконец пролепетала она, собравшись с силами.

— В каком смысле? Ты... что, девственница? — он как-то недобро усмехнулся, но, глядя на ее смущенное лицо, посерьезнел и раздосадованно отер подбородок. — Наверное, ты шутишь...

— Нет, — вздохнула Люда, чувствуя себя ужасно неловко.

— Для девственницы ты слишком развязная... и смелая, — задумчиво произнес он и после некоторой паузы добавил: — Тем не менее, это все меняет.

Саша отпустил ее лицо и не без удовольствия еще раз окинул жадным взглядом ее точеную полуобнаженную фигурку.

— Одевайся, — насмешливо, но уже более мягко улыбнулся он. — Пройдемся немного. Хочу рассказать тебе про свою коллекцию автомобилей. Каждую модель я отбирал лично, поэтому и считаю их своими детищами. Когда Люда оделась, он сжал ее руку довольно крепко, даже чуть-чуть больно, и повел по рядам автомобилей. У некоторых моделей он останавливался и подолгу рассказывал ей об их характеристиках и даже истории их приобретения. В его голосе звучали гордость и самодовольство. Люда ничего не смыслила в автомобилях, и некоторые слова были для нее пустым звуком. К тому же из-за переполняющих ее эмоций она не могла сосредоточиться на том, что он говорил. В ней боролись страх и страсть.

— Ты не слушаешь меня? — Саша стоял перед ней, сунув руки в карманы брюк и отодвинув назад борта пиджака. Весь его облик являл собой воплощение власти.

— Я слушала... все это очень любопытно... , — Люда не была уверена, что эти слова прозвучали убедительно.

Он тронул ее волосы и щеку. Нетерпение и возбуждение изводило их обоих, но Саша умел держать себя в руках, а Люда вся дрожала и горела от нервного истощения.

— Кажется, я предупреждал тебя насчет твоего поведения, а я не люблю, когда меня не слушаются, — вдруг холодно заявил он.

— Я ничего такого не делала, — попыталась оправдаться Люда.

— Ты меня провоцируешь, и теперь ты доигралась. Пойдем.

Пальцы Саши сомкнулись на ее руке и снова потянули куда-то. Она едва поспевала за его уверенными широкими шагами, толком не зная, на что решиться и что вообще все это значит. Кажется, он был рассержен чем-то, возможно, ее рассеянностью. Может, нужно остановить его и просто объяснить? Только увлекающая ее сила казалась слишком необузданной и стремительной, чтобы она посмела дать ей отпор.

— Куда мы идем? — только и успела спросить она.

— Мы уже пришли, — отрезал он, остановившись перед какой-то дверью и отпирая ее ключом. Включив свет, он подтолкнул девушку внутрь. Комната, в которой оказалась Люда, представляла из себя рабочий кабинет, который сильно контрастировал с современной утилитарной отделкой всех прочих помещений: здесь правили строго выверенные величественные линии классицизма и дорогая роскошь. Во главе массивного стола возвышалось коричневое кожаное кресло, больше напоминающее трон. На тяжеловесном комодe благоухал огромный букет свежих бордовых роз. Высокий книжный шкаф наполовину был заполнен подарочными изданиями книг, статуэтками, дорогой посудой,

играющей скорее декоративную роль. Темный узорный паркет отражал в солнечных отблесках силуэты мебели. Несмотря на бледно-фисташковый цвет обоев и штор, белые, выделенные молдингом панели на стенах и огромную люстру, дополненную несколькими бра, комната все равно казалась темной и мрачноватой. Впрочем, Люда не особенно-то успела все рассмотреть.

Снова закрыв дверь на ключ, Саша медленно развернулся, опустив ключ в карман пиджака. — Я хочу, чтобы ты разделась... полностью...

Люда затравленно огляделась по сторонам. Сердце билось у нее в горле, а ноги подкашивались. Кажется, она действительно доигралась. Но только что она сделала не так? Уверенность в том, что она готова сейчас на все, куда-то мигом улетучилась. Может быть, он шутит? Что-то совсем не похоже... Но ведь все должно происходить совсем не так...

— Раздевайся, если не хочешь быть наказанной, — хладнокровно скомандовал Саша, заметив ее колебания.

Она разрывалась между порывом убежать, закричать, вырваться из этой ловушки и жгучим желанием беспрекословно подчиниться. Саша сузил глаза, смерив ее взглядом, и мимо нее прошел к своему столу. Девушка невольно посторонилась и развернулась, следя за каждым его движением. Склонившись, мужчина открыл один из выдвижных ящиков и достал оттуда маленькую красную коробочку.

— Ты... когда-нибудь занималась анальным сексом? — холодно поинтересовался он, снимая с коробочки крышку и извлекая оттуда небольшой предмет из блестящего серебристого металла, напоминающий по форме небольшое яйцо на подставке, верхний конец которого был слегка вытянут и заужен. Он повертел предмет в руке, и Люда заметила на нижней части «подставки» сверкающий прозрачный кристалл. Не сводя испуганного взгляда с рук своего мучителя, она безмолвно помотала головой в знак отрицания.

— Если ты не разденешься в течение полминуты, я засуну тебе это в задницу, и выведу к гостям. Поверь мне, я постараюсь проследить за тем, чтобы ты не ушла до окончания праздничного вечера и не вытаскивала это до тех пор, пока я этого не захочу. Уверен, мы приятно проведем время.

— Зачем ты... , — «так со мной?», — в ужасе хотела воскликнуть Люда.

— Время пошло, — перебил ее Саша, слегка искривляя рот в усмешке.

Несколько секунд Люда была в ступоре, затем она попыталась себе представить, сможет ли убежать отсюда или позвать на помощь, но потом, вдруг ясно оценив свои шансы, начала раздеваться. Руки ее дрожали, и когда все вещи уже лежали на полу, ей невыносимо захотелось прикрыться. Зачем только ей пришло в голову сбрить все волосы там, внизу? Теперь чувство собственной беспомощности захлестнуло ее целиком — будто она снова стала маленькой беззащитной девочкой, оказавшейся во власти жестоких и непредсказуемых взрослых, которые требовали от нее невыполнимых вещей.

— Умница, — сладко улыбнулся Саша, и от мягких ноток в его потеплевшем голосе у Люды по спине ледяной змейкой проскользнул озноб. — Подойди.

Он убрал анальную пробку в коробочку на столе, и, когда девушка оказалась рядом, притянул ее к себе одной рукой за талию, погладил ее волосы и стал нежно целовать ее дрожащие губки, слегка раздвигая их языком и покусывая. Дрожь била ее и от холода, и от страха, а Саша был таким теплым и уверенным. Ей очень хотелось ему угодить, и любое его прикосновение сводило ее с ума, словно он точно знал, как управлять всеми ее ощущениями,

как разбудить в ней бесстыдство, подавленное строгим воспитанием и привычкой к самоконтролю. Бешеные дозы адреналина заставляли подгибаться колени, дрожать пальцы, топорщиться нежный пушок на всем теле. Вот его рука скользнула по ее плоскому животику вниз, пальцы мягко погладили влажный бутончик между пухлыми лепестками и медленно поползли по ее телу вверх, оставляя мокрый след, пока не коснулись напряженного чувствительного соска, одного, затем второго. Другая рука пропустила сквозь пальцы ее шелковистые волосы, медленно спустилась по шее и спине до ягодичек и принялась ласково поглаживать и сжимать ее упругую попку. Девушка стояла босиком на цыпочках, чтобы дотянуться до его губ и инстинктивно лънула низом живота к бедрам мужчины, чувствуя неукротимую мощь его желаний. Однако под броней его стальных мышц сердце в груди билось размеренно и невозмутимо, не выдавая ни волнения, ни нетерпения. Когда пол вдруг ушел у Люды из-под ног, она не сразу сообразила, что Саша подхватил ее на руки, легко, словно фарфоровую куклку.

Он бросил ее на диван, и некоторое время она ошарашенно наблюдала, как он скинул с себя пиджак, медленно ослабил галстук и расстегнул верхние пуговицы своей белоснежной рубашки. Затем он снял запонки и аккуратно положил их на комод за своей спиной. Сколько раз потом ей приходилось наблюдать за этим его ритуалом с неконтролируемым трепетом и сексуальным упоением.

— Надеюсь, ты уяснила, что полное подчинение избавит тебя от неприятных ощущений, — констатировал он, закатывая белоснежные рукава и обнажая мощные смуглые руки, покрытые паутиной темных волос. — Встань на колени и заведи руки за спину.

— Я... я не уверена, что хочу всего этого... Пожалуйста, не надо... , — вдруг снова словно очнулась Люда и попыталась приподняться. Ее голос срывался, язык и губы онемели от страха и совсем не хотели слушаться.

Постояв над ней несколько секунд, мужчина медленно опустился на диван рядом с девушкой, принуждая ее снова лечь, и ласково погладил пальцем ее нижнюю губку. Даже в этих невинных движениях чувствовалась исходящая от него угроза.

— О чем ты только думала, когда согласилась на эту встречу со мной? А? — медленно прошипели его губы, а левая рука скользнула по шее Люды, пальцы слегка сжали ее под самым подбородком, чуть задержав и без того едва теплящееся дыхание. Люда еле заставила себя сделать болезненный глоток и посмотреть мужчине в глаза — в них разгоралось адское голубое пламя. Дыхание ее участилось, щеки пылали. Правой рукой Александр грубо сжал одну ее грудь, затем вторую, больно выкрутил нежный, никем еще не тронутый девичий сосок.

— Я... я не знаю... , — сдавленно прохрипела она, давась страхом.

— Ты думала об остросюжетных сексуальных приключениях, ведь так? — грубые пальцы на сосках вдруг стали нежными, их дразнящие медленные движения заставили девушку выгнуться и задыхаться чаще и глубже.

— Я... я просто... просто хотела тебя увидеть... и лучше узнать...

— Мило... , — съехидничал сводящий ее с ума мужчина. — Хотела получше узнать человека, который при первой встрече вел себя с тобой как с дешевой шлюшкой? Ты, видно, совсем наивная дурочка... или... тебе и вправду стало любопытно, как ебут шлюшек плохие парни?

Ошарашенная, Люда снова попыталась подняться, но железная рука в мгновение сомкнулась на ее горле и вжала в диван.

— Шшш... , — прошипели его губы, соблазнительно изгибаясь в холодной улыбке, а свободная рука рывком развела в стороны ее согнутые в коленях ноги. — Уже поздно отказываться. Расслабься... Я все равно все сделаю так, как мне хочется. Это понятно? — Его пальцы легко прошлись по ее по-детски голым половым губкам, словно случайно задели розовый бутон между ними и потеряли увлажнившуюся щелку чуть ниже. — Я задал тебе вопрос.

— П-понятно., — едва дыша, прошептала Люда, ощущая, как вся кровь отлила от ее обледеневшего тела к лицу и еще обожгла низ живота в тех местах, которых касались его пальцы. Ее широко разведенные в стороны ноги трясло крупной дрожью.

— Прекрасно, — усмехнулся Александр и, нежно поглаживая ее влажный бутончик большим пальцем, средним медленно проник в ее лоно, натягивая тонкую чувствительную ткань внутри.

Немного больно, дико, противоестественно! Люда жалобно воскликнула что-то нечленораздельное, изогнулась, сомкнула ноги и вцепилась в его тяжелую руку, все еще сжимающую ее горло, хотела ее оттолкнуть, но не посмела и замерла, зажмурив глаза и хватая приоткрытым ртом воздух. Его палец внутри нее тоже замер, но тот, что ласкал ее снаружи, продолжил дразнить, издеваться, пьянить.

— Руки на диван. Ноги в стороны. Ты ведь не хочешь, чтобы я сделал тебе очень больно, котенок? — угрожающе промурлыкал Саша, дополняя свои ласки медленными легкими толчками. С каждым его ускоряющимся движением Люда все сильнее таяла, текла и теряла остатки здравого смысла. И этот его голос, низкий, рычавший, властный — он что-то творил с ее волей, превращая ее в беспомощного зверька, готового на все, что только ни пожелает потребовать хозяин. Ее пальцы невольно разжались, руки заметались по холодной коже дивана, бессознательно перебирая собственные волосы. Украдкой глянув из-под длинных ресниц на склонившегося над ней мужчину, она заметила, что его лицо исказила беспощадная гримаса торжества и превосходства, а его горящий желанием взгляд без смущения пожирал все прелести ее наготы и возбуждения. Его рука переместилась с ее шеи к пылающим соскам, от любого прикосновения к которым все тело была дрожь.

— Пожалуйста... пожалуйста... пожалуйста... пожалуйста, — скороговоркой зашептала Люда, содрогаясь в мучительной агонии и нетерпеливо насаживаясь пульсирующей киской на его горячие мокрые пальцы, забыв о страхе перед возможной болью. Из губ вырвались стоны блаженства, но ее рот грубо накрыла тяжелая ладонь, вынуждая задыхаться.

— Умница... Хорошая маленькая похотливая сучка... , — одобрительно и одновременно зловеще прошептал Саша, словно дьявол, поощряющий грешницу, и не вынимал из нее пальцы до тех пор, пока она не перестала извиваться и дрожать. — А теперь встань на колени и заведи за спину руки, — снова прозвучал недавний приказ. Едва удерживая равновесие, Люда медленно встала перед ним, всей кожей ощущая свою наготу и беззащитность. — Ноги в стороны. Спинай ко мне.

Беспокойно оглядываясь через плечо, Люда заметила, как рука молодого человека исчезла в кармане брюк и извлекла оттуда длинный кусок тонкой шелковой красной бечевки. Эта бечевка постепенно опутала оба ее запястья, сжимая их вместе крест-накрест, а затем перехватила все пути промеж ними и стянула их несколькими хитроумными узлами. Люда заставляла себя дышать ровно, чтобы успокоиться, но к тому, что произошло дальше, она, конечно, не могла быть готовой. Ей вдруг резко надавили на плечи и на шею, принуждая

наклониться вперед и вдавливая ее лицом в холодную кожаную подушку дивана. Волосы спутались, закрывая обзор.

— Голову вниз, на диван, в угол, — грубо гаркнул совсем чужой голос. — Ниже. Вот так. Попу вверх. Ноги в стороны. — Нога Саши грубо раздвинула сзади ее бедра, не давая сомкнуться. Немного опомнившись, Люда попыталась вырваться, но обнаружила вдруг, что это невозможно. Когда она заметалась, очередное «шшш» ее совратителя походило на ядовитое шипение змея, готовящегося прикончить свою жертву. Ей снова стало страшно. Все ее прелести оказались теперь перед ним как на ладони, а она была полностью обездвижена. — Пожалуйста... пожалуйста... не делай мне больно, — жалобно заскулила она.

Александр молча сжал пальцами нежную кожу ее круглой попки, легонько шлепнул, но девчонка вздрогнула даже от такого слабого удара и снова заскулила. Ее попка была восхитительна — Александр медленно провел членом между ее ягодич, ласково погладив головкой розовый цветочек ануса. Он испуганно сжался от его прикосновений. Мужчина снова шлепнул ее по попке, на этот раз сильнее. Люда беспокоило заерзала, но ее поза была идеальна — ни вывернуться, ни свести ножки, ни спрятать свои соблазнительные укромные места она не могла. Саша скользил членом между ее разведенных ягодич, пока она немного не успокоилась. Тогда он переместил член ниже, к блестящему от влаги, раскрасневшемуся от его ласк бутончику. Он любовался тем, как медленно раздвигаются в стороны пухлые лепестки ее киски, и как судорожно сжимается ее щелка от каждого его движения. От этой ласки у Люды началась нервная дрожь, и Саша снова огрел ее ладонью по раскрасневшейся попке, чтобы заставить ее расслабиться.

Наконец, мощно вдавив член в ее лоно, он почувствовал, как порвал встретившееся на его пути препятствие. Люда вскрикнула и забилась под ним, пытаясь вырваться, но он крепко держал ее за бедра и прижал к дивану тяжестью своего тела.

— Мне больно, — прошептала она сквозь слезы. Спутанные волосы закрывали ее лицо. — Я знаю, моя девочка. Придется потерпеть, — хладнокровно заявил он, слегка двигая бедрами и наслаждаясь узенькой девичьей щелкой. Дав девушке немного отдышаться, он принялся нещадно ускорять темп. На его члене поблескивала ее влага и кровь, а из ее распахнутых губок доносились тихие жалобные стоны. Впрочем, вскоре в них послышались умоляющие нотки наслаждения.

***

— Люда, опять ты закрылась! — раздался из-за двери раздраженный голос мамы. — Что за глупая привычка!

— Мам, я устала... хочу поспать немного...

— С чего тебе уставать, скажи на милость? Опять Сашу за столом одного оставила. Вообще-то разговор шел весьма серьезный, а ты ведешь себя как младенец.

— Мам... я неважно себя чувствую.

— Что с тобой? А ну открой!

Господи, она ведь не отвяжется... Люда нехотя поднялась, оправила одежду, вскользь отерла глаза, открыла дверь, пряча лицо в тени. За окном уже давно стемнело, так что, если мама не вздумает включать свет, следов слез она не заметит.

— Ну и? — ледяной тон матери, конечно, как нельзя лучше предупреждал о том, что банальные отговорки не прокатят.

— Я... если честно, я совсем не уверена, что Саша... что он тот человек, который мне нужен, —

на одном дыхании выдала она. Напряженная пауза затянулась. Ирина Степановна медленно оглянулась через плечо, благоразумно проверив, не слышал ли кто-нибудь эти крамольные речи, затем коротко вздохнула и бесшумно прикрыла за собой дверь, тут же включив свет. Люда отвернулась, щурясь от рези в глазах.

— Надеюсь, ты действительно просто неважно себя чувствуешь и говоришь не всерьез, — наконец заговорила Ирина Степановна взвешенно и строго. — Ты вообще соображаешь, что болтаешь? Думаешь, такие молодые люди на дороге валяются? К тому же сомневаюсь, что еще кто-нибудь способен найти общий язык с твоим отцом.

— А что если Саша со мной не может найти общий язык? — не решаясь посмотреть матери в лицо, Люда подошла к окну и уставилась в беспроглядный мрак сада.

— В каком это смысле?

— Да во всех! — Люда резко повернулась, уже не сдерживая слез и эмоций. — Он мне словно чужой! Я ничего о нем не знаю! И он ничего не знает обо мне! У нас нет ничего общего!

Мама нахмурилась, но лишь на мгновение.

— Милая... он просто намного старше и серьезнее... , — отрезала она. — Это пройдет. К тому же это муж, а не подружка для развлечений. Брак должен быть основан на взаимовыгодных интересах. Семья, семейные ценности — вот что будет вас объединять.

— О, господи... , — как же ей надоело это слушать! Ценности! Выгода! Интересы! А что если ей просто хочется любви? Той самой, о которой пишут в книжках! Люда схватила руками за голову, в исступлении прошла пару шагов и упала спиной на постель, совершенно забыв про свои раны, и чуть было не выдала себя стоном боли. — В этой семье я никогда не имела слова... , — безразлично пробормотала она. — Вам все равно, что я думаю и что чувствую.

— Так. А вот это уже наглость, моя дорогая, — мама скрестила на груди руки. — Кто, когда и в чем тебя ограничивал? Ты посмотри, какие у тебя возможности в отличие от большинства твоих сверстниц! Чего тебе не хватает, в самом деле?

— Все прекрасно, мама! Разговаривать больше не о чем! — зло выпалила Люда, уткнувшись лицом в подушки.

— Полагаю, что так. Немедленно приведи себя в порядок и спускайся в столовую. Надеюсь, ты не закатываешь такие сцены жениху. Мужчины не любят истеричек, я сто раз тебе это говорила.

Хлопнула дверь. Люда сжала зубы. Слезы высохли. Осталась только злость. Немного успокоившись, она поднялась и подошла к своей сумочке, стоящей на комод, заметила симпатичный брелок на ремешке. Милая вещица... Только откуда она взялась? Может, Саша подарил? Люда качнула его, размышляя, откуда он мог взяться и был ли он тут раньше. Увесистый. Должно быть, золотой. Да, собственно, какая разница? Она, наверное, по рассеянности его не замечала. Она достала из сумочки мобильный, открыла браузер, в поисковике набрала: «Владислав Андреевич Расторгуев, частный детектив». Влад. Красивое имя. И сайт тоже внушает доверие — конфиденциальность, профессионализм, надежность и все такое. «Кто владеет информацией — владеет миром» — красовалась в шапке страницы высокопарная цитата. Принадлежит Ротшильду. Такое Саша точно бы заценил. Она криво усмехнулась, испытывая одновременно злорадство и боль. Она все правильно сделала. Они просто не оставили ей другого выхода